

Россинская Светлана Владимировна,
заведующая библиотекой «Фолиант»
МУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»

К 1 октября 2012 года – 77-летию со дня смерти, к 26 ноября – 157-летию со дня рождения русского писателя

Владимир Гиляровский: Король журналистики и Шаляпин репортажа

Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК
«Секрет успеха московского запорожца дяди Гиляя»

«От газетного листа должно разить таким жаром, чтоб его трудно было в руках удержат!» (В.А. Гиляровский)

Сто лет назад писатель и журналист **Владимир Алексеевич Гиляровский** (26 ноября 1855- 1 октября 1935) был знаменит как «Король журналистики» и «Шаляпин репортажа».

Сегодня его помнят как бытописателя старой Москвы и автора книг *«Трущобные люди»* и *«Москва и москвичи»*, а тогда он был известнейшим журналистом, бесстрашно вносящим в любимое дело всю удаль и размашистость русской души.

Как ему удавалось оказываться на месте происшествия раньше всех своих коллег? Каким образом он умудрялся преодолевать полицейские кордоны, первым добывая информацию о преступлениях? Зачем посещал воровские малины и самые опасные притоны Хитрова рынка? Владел ли искусством гипноза?

Почему тираж его первой книги *«Трущобные люди»*, вышедшей в 1887 году, был полностью сожжен во дворе Сущевской пожарной части?

Каким человеком был журналист Владимир Гиляровский, и что обеспечивало ему успех?

Давайте попробуем ответить на все эти вопросы вместе с читателями библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК, активистами ее Литературного клуба «Прикосновение» в ходе литературного расследования *«Секрет успеха московского запорожца»*
Итак...

Золотая Жужа и ведро лягушек

Биография «дяди Гиляя», как его звали друзья и коллеги, толком не написана. Неизвестно даже, в каком году он родился - то ли в 1853-м, то ли в 1855-м. Мы знаем лишь, что случилось это в затерянном в вологодских лесах имении графа Олсуфьева, где служил писарем молодой выпускник семинарии **Алексей Иванович Гиляровский**. Влюбившись в дочку управляющего имением **Петра Мусатова**, он сумел получить согласие на брак у ее отца - крутого нравом богатыря-запорожца.

Супружеское счастье было недолгим - когда их единственному сыну было восемь лет, **Надежда Петровна** скончалась. Ее муж-вдовец перебрался в Вологду, где вскоре женился снова. Володя мачеху невлюбил. Не было теплоты и в его отношениях с отцом, и он предпочитал проводить время на улице, где показал себя отчаянным шалуном.

Однажды, утащив у родителей золотую краску, выкрасил ей собачку Жужу, за что был выпорот. В другой раз забрался на крышу беседки, где его кухне объяснялся в любви офицер, и опрокинул на головы парочке ведро живых лягушек.

Кумиром мальчика стал отставной матрос **Китаев**, научивший его приемам японской борьбы джиу-джитсу. Когда в город приехал цирк, Володя попытался устроиться туда борцом, но ему отказали - *«сперва подрасти»*.

Ушел работать бурлаком, как устроюсь, напишу...

Ждал он только до 16 лет и однажды ночью сбежал из дома, оставив записку: «Ушел работать на Волгу, как устроюсь, напишу». Пройдя пешком 200 км от Вологды до Ярославля, он пошел наниматься в бурлацкую артель. Когда бурлаки засомневались, по силам ли парню их нелегкий труд, Володя вытащил из кармана пятак и легко скатал его в трубочку. Вопрос был решен. Скоро он уже шагал с товарищами по берегу Волги под тягучий распев: «Белый пудель шаговит! Шаговит, шаговит!»

Дойдя до Рыбинска, Володя нанялся там в грузчики, но скоро по неопытности сломал лодыжку и оказался в грязной гостинице без копейки денег. Пришлось, победив гордость, написать отцу. Алексей Иванович приехал, прочитал нотацию, дал денег, взяв с непутового сына слово вернуться в Вологду и завершить учебу.

Юнкер, сторож, грузчик, пожарный...

Но до дома Володя так и не доехал - на пароходе встретил знакомого офицера и, поддавшись на его уговоры, поступил в юнкерскую школу. Служба там оказалась не особенно тяжелой - силач Гиляровский затмевал всех на плацу и спортивной площадке, хотя нередко попадал в карцер за шалости - все же ему было всего семнадцать.

После двух лет учебы его, как отличника, перевели в Москву. Город он полюбил с первого взгляда, а вот новое училище не приглянулось: дисциплина железная, никакой свободы, муштровка с утра до вечера. А тут еще как-то, возвращаясь из увольнения, он нашел на улице брошенного младенца и принес его в казарму. Пару раз услышав обидное прозвище «мамочка», он полез в драку. Потом плюнул и подал рапорт об отставке.

Год он мыкался в Москве, работая то сторожем, то грузчиком, то пожарным - и с тех пор, увидев где-нибудь пожар, сразу кидался его тушить.

Новый способ стать артистом

Потом уехал на Волгу и после долгих скитаний устроился в театр в Тамбове. Способ для этого он выбрал безотказный: подстерег актеров в местном ресторане и, когда там завязалась драка (не сам ли он ее затеял?), легко раскидал нападавших. После этого новые друзья горячо рекомендовали его режиссеру **Григорьеву**, и уже через день он впервые вышел на сцену в роли унтера Держиморды из «Ревизора». Лихо вытянулся во фронт - пригодились юнкерские уроки - и гаркнул: «*Прибыл по приказанию!*»

Если верить его мемуарам, зал взорвался аплодисментами... но верить им можно не всегда. Гиляровский обожал приврать для красного словца - потому и стал «королем репортеров».

В Саратове он перешел в летний театр француза **Сервье**, где играл с известным актером **Далматовым**, вспоминая о нем: «*Молодой, живой, веселый и счастливый, посвятивший себя сцене со всем пылом юности... Обладая необыкновенной силой и ловкостью, он пленял всех окружающих своими атлетическими упражнениями и благородством души*».

Владимир легко сходилась с людьми и так же легко ссорился. Когда кто-то из его коллег ущипнул за филейную часть артистку **Гаевскую**, влюбленный в нее Гиляровский едва не задушил нахала. А когда явившийся за кулисы пристав стал донимать актеров замечаниями, просто схватил его и подвесил за кушак на люстру.

Далматов, увидев это, рассвирепел - театр могли закрыть! - и выстрелил в Володю из пистолета, прострелив ногу. Совершенно обалдевший от всего этого пристав поспешил сбежать, и актерам ничего не сделали.

Не порть имущество!

Театральную карьеру Гиляровского прервала война с Турцией за освобождение «братушек» - славян. Едва началась запись добровольцев, он отправился на Кавказский фронт и там целый год ходил в разведку, бесшумно отлавливая солдат противника, - как он уверял, «ни один турок при этом не пострадал».

После заключения мира героем вернулся в Вологду, где отец вручил ему «на счастье» фамильную табакерку. Но примирения не вышло - за разговором Владимир увлекся и завязал узлом кочергу. Отец вспылил: «*Не порть имущество!*» - и развязал ее обратно.

Нельзя столько видеть и не писать!

В итоге побывка оказалась недолгой: Гиляровский уехал в Пензенский театр, где играл его друг Далматов. Странствуя с гастролями, он часто забывал текст и заменял слова роли своими. Постепенно привык сочинять стихи, а потом и прозу.

На писательство его благословила великая **Ермолова** - при первой встрече он поразил актрису тем, что залпом выпил за ее здоровье бутылку коньяка. Послушав его красочные рассказы о скитаниях по Руси, она воскликнула: «Нельзя столько видеть и не писать!»

Мысль запала Владимиру в голову. В 1881 году, снова попав в Москву, он познакомился с редактором журнала «*Будильник*» и прочел ему стихи о Стеньке Разине. Скоро они появились в печати.

- *Это был самый потрясающий момент в моей богатейшей приключениями жизни*, - вспоминал Гиляровский. - *Думалось: еще недавно беспаспортный бродяга, сотни раз бывший на границе гибели, и вдруг... И нюхаю, нюхаю свежую типографскую краску и смотрю на мои, мои ведь напечатанные строки.*

Довольно скоро он оставил «*Будильник*» и перешел в основанный хватким журналистом **Николаем Пастуховым** «*Московский листок*», где печатались самые скандальные городские новости. Оценив таланты Гиляровского, Пастухов сделал его своим главным помощником:

- С ним я носился по Москве, он возил меня по трактирам, где собирал всякие сплетни, а по утрам я должен был явиться к нему в Денежный переулок пить семейный чай.

Всего за год Владимир сделал головокружительную карьеру, став лучшим репортером Москвы:

- *У меня везде были знакомства, свои люди, сообщавшие мне все, что случилось: сторожа на вокзалах, писцы в полиции, обитатели трущоб.*

Кому-то он платил, на остальных действовал своим обаянием и простодушным нахальством. Но это не объясняло всех его достижений - как он оказывался на месте происшествия раньше всех своих коллег? Как преодолевал полицейские кордоны, первым добывая информацию о преступлениях? Есть версия, что он владел искусством гипноза - однажды, например, проехал в поезде, предъявив кондуктору вместо билета клочок бумаги, как сделал это однажды знаменитый **Вольф Мессинг**.

Но если и так, то прежде всего успех ему обеспечивали громадная выносливость и полное бесстрашие. Он мог пройти пешком много километров, часами терпеливо ждал интервью, навещал воровские малины и самые опасные притоны Хитрова рынка.

Однажды четырнадцать суток провел в палатке на месте страшной железнодорожной катастрофы в Кукуевке под Орлом, делая репортажи, прогремевшие на всю Россию. Именно после этого его прозвали «*королем журналистов*».

Возвращаясь домой, в неудобные меблированные комнаты, он всякий раз заставлял там пару-тройку друзей, и начиналась гулянка до полного отключения. Приятелей,

конечно, - сам Гиляровекий не пьянел никогда. Но постепенно такая жизнь ему надоела. Он стал подыскивать себе спутницу жизни.

В новом качестве

Николай Пастухов имел тайный умысел сосватать за него свою дебелую, засидевшуюся в невестах дочку, но Владимир Алексеевич решил иначе. В 30 лет он женился на молодой учительнице **Марии Мурзиной** и прожил с ней всю оставшуюся жизнь. Спустя год после свадьбы у них родился сын **Алеша**, проживший недолго, еще через год - дочь **Надя**, ставшая известным театральным критиком, верной хранительницей памяти отца.

Тихая, молчаливая **Мария Ивановна** имела свои таланты - хорошо рисовала, была прекрасной рассказчицей, - но рядом с громогласным, непоседливым, рассыпающим раскаты хохота мужем задвигала их подальше.

Муж с женой никогда не ссорились, но ей пришлось ко многому привыкать. Например, к тому, что в доме по-прежнему постоянно находились, а иногда и жили его друзья. Что он мог неожиданно исчезнуть и лишь через пару дней прислать телеграмму откуда-нибудь из Харькова. Что ей приходилось послушно готовить и есть его любимые блюда - судачка, стерлядку, налимыю уху, хотя она терпеть не могла рыбу. Утешало ее лишь то, что такого мужа, как у нее, уж точно нет ни у кого другого.

Круг знакомых дяди Гиляя

С появлением семейного очага круг знакомых «дяди Гиляя» - его все чаще называли именно так - начал меняться. Прежнюю театральную-репортерскую шантрапу вытесняли люди приличные, даже знаменитые.

Одним из первых стал **Антон Чехов**, тоже начинавший как журналист. Он писал о новом друге:

- В нем есть что-то ноздревское, беспокойное, шумливое, но человек это простодушный, чистый сердцем... Анекдоты рассказывает он непрерывно, носит часы с похабной «панорамой» и, когда бывает в ударе, показывает карточные фокусы.

«В ударе» Гиляровский бывал почти всегда; после его визита в Мелихово Чехов жаловался в письме:

- Был у меня Гиляровский. Что он выделявал, боже мой! Заездил всех моих кляч, лазил на деревья, пугал собак и, показывая силу, ломал бревна.

И все же дружба их оставалась неомраченной. В квартире Гиляровских в Столешником переулке у Антона Павловича было собственное удобное кресло, в котором он часами полулежал, читая газеты, - хозяин выписывал чуть ли не всю российскую периодику, - и прихлебывая крепкий, заваренный для него по особому рецепту чай.

Другим знаменитым другом Владимира Алексеевича был **Федор Шаляпин**. У него своего кресла не было, зато для него Мария Ивановна всегда накрывала обильный стол с собственноручно настоянной рябиновкой. Наевшись, Шаляпин подходил к окну и давал концерт для мгновенно собиравшейся публики.

А однажды выступил с новым номером -когда хозяина долго не было, певец куда-то удалился, и скоро гости слышали протяжный, весьма художественный собачий вой.

-Грустно так, есть очень хочется, - объяснил слегка сконфуженный Шаляпин.

Не меньше Гиляровского он любил его дочь, не по годам серьезную Надю, называл ее «всезнайкой» и даже присылал ей из Ниццы со скорым поездом ранние фиалки.

В России две напасти: внизу - власть тьмы, сверху - тьма власти

Много новых знакомых Владимир Алексеевич завел в газете «Русские ведомости», куда ушел от Пастухова - тот не хотел увеличивать его гонорары. Там сотрудничали лучшие русские писатели - **Лев Толстой, Глеб Успенский, Дмитрий Мамин-Сибиряк.**

Под их влиянием аполитичный прежде Гиляй начал поругивать царский режим. После премьеры толстовской «*Власти тьмы*» сочинил эпиграмму: «*В России две напасти: внизу - власть тьмы,верху - тьма власти*».

Его первая книжка «*Трущобные люди*», вышедшая в 1887 году, оказалась настолько обличительной, что весь тираж ее сожгли во дворе Суцевской пожарной части. После этого Гиляровский основал «*Журнал спорт*», известный тем, что там ни разу не печатались портреты членов царской фамилии. Когда редактора спрашивали о причине этого, он делал большие глаза: «*Помилуйте, они же не призовые жеребцы!*»

А потом грянула Ходынка - трагедия на коронации Николая II в мае 1896 года. В толпе, давящейся за грошовыми подарками, оказался и «дядя Гиляй». Спасся чудом - решив, что потерял дареную отцом табакерку, выбрался искать ее на край толпы, прежде чем люди стали синеть и задыхаться. Табакерку он нашел в заднем кармане - она и правда оказалась счастливой.

Его репортажи с места события читала вся Россия, спрашивая: почему раздача подарков была так бездарно организована? Почему царь не объявил траур, а беззаботно вальсировал во французском посольстве? Почему за случившееся никого не наказали? Сам автор этих вопросов не задавал - старался не ссориться с властями.

Превращение в писателя, или «Эта книга украдена из библиотеки В.А. Гиляровского»

Понемногу он солиднел, из репортера превращаясь в писателя. Читать любил с детства, а теперь завел солидную библиотеку, занимавшую целую комнату. Чтобы гости не «заигрывали» ценные издания, завел специальный экслибрис: «*Эта книга украдена из библиотеки В.А. Гиляровского*».

Для работы он читал журналы, путеводители, статистические отчеты. Для души - классику, особенно **Николая Гоголя**. Современную литературу не жаловал; посетив как-то вечер поэтов-символистов, обозвал их «*бледной немочью*». Исключение делал для одного **Максима Горького**, с которым часто вспоминал волжские просторы.

Когда Художественный театр ставил пьесу Горького «На дне», Гиляровский повел актеров на Хитровку, чтобы познакомить их с жизнью подлинного «дна». Все едва не кончилось плохо - ночлежники полезли в драку, но Гиляй остановил их - по его версии, парой метких ударов, а по словам актеров, виртуозным матерным «загибом».

Пуп Москвы

С годами он стал подлинной достопримечательностью Москвы: его показывали приезжим, а сам он выходил из дома за час-два до нужного срока, чтобы успеть поздороваться, пообщаться, а то и выпить с бесчисленными своими знакомыми. В заведенном им альбоме красовались десятки восторженных записей.

Александр Куприн, к примеру, написал:

-Дорогой дядя Гиляй, крестный мой отец по литературе и гимнастике, скорее я вообразжу Москву без царь-колокола и без царь-пушки, чем без тебя. Ты - пуп Москвы!

Многим он помогал - своими статьями добиться правды или просто деньгами и вещами. Случайно увидев мальчика на побегушках **Колю Морозова**, сдернул с него шапку и протянул свою: «*Бери. Твоя совсем не греет*». Морозов так и прибился к писателю, став его секретарем и биографом.

В 1905 году, когда полиция оцепила в здании университета бастующих студентов, Гиляровский явился к булочнику **Филиппову** и попросил его послать бунтарям несколько корзин калачей - *«только чтобы теплых!»*

Бывало, он на полном ходу выпрыгивал из трамвая, увидев знакомого бедняка, чтобы дать ему денег. Тот же Морозов вспоминал:

- Бывало и так. Утром на квартиру вваливается неизвестная старуха, крестьянка, в домотканой одежде, с кошелкой яиц в руках. – «Мне Елеровского», - говорит она. Выясняется, что Гиляровский помог ей купить корову, и она в знак благодарности принесла ему яиц. Где находится деревня старухи, как попал Гиляровский туда - этим дома никто не интересуется, это обычное явление.

Посмотреть на себя со стороны

Шел год за годом, «дядя Гиляй» работал, шутил, пировал, меценатствовал, тушил пожары - и незаметно старел. Молодой поэт **Владислав Ходасевич** увидел его в 1911 году:

- Нюхая табак и всех хлопая по плечу, всем говоря «ты», походкой Тараса Бульбы, лысый и сивоусый, прохаживался милый старик Гиляровский, стараясь придать свирепое выражение добрейшему своему лицу.

В 1911 году он впервые всерьез заболел. Это было обычное воспаление легких, но писатель испугался и задумался о собирании своего разбросанного по газетным страницам наследия. С легендарным издателем **Иваном Сытиным** договорился о выпуске собрания сочинений в шести томах. Помешала война. Потом грянула революция, которую он, как и многие его друзья, принял восторженно. Ходил по Москве в кожаной «комиссарской» куртке с красным бантом. Правда, в голодные и холодные годы гражданской войны восторженность поугасла.

Большевики Гиляя не тронули, помня его пикировки с прежней властью, но и привечать не спешили. К тому же вся привычная ему жизнь исчезла - знакомые уехали, рестораны закрылись, улицы - милые Божедомки, Варварки, Ленивки, которым он посвятил столько страниц, - получили имена пролетарских героев.

Отворачиваясь от настоящего, старик предпочитал жить прошлым. Он целиком погрузился в изучение истории Москвы, собирание по крупицам тех мелочей быта, которые никто не знал лучше его. Дни и недели уходили на копание в потрепанных записных книжках и в памяти, которая, несмотря на возраст, цепко хранила имена и факты.

Конечно, кипучая натура Гиляровского не удовлетворялась кабинетной работой. Он ходил по редакциям, учил молодых журналистов, как надо писать. **Константин Паустовский** вспоминал одну из его речей:

- От газетного листа должно разить таким жаром, чтоб его трудно было в руках удержать! А вы что делаете? Мямлите! Вам бы писать романы о малокровных девицах!

В 1926 году вышло первое издание «Москвы и москвичей», за ним - другие книги. Гиляровский все еще шумел, рассказывал истории из жизни, давал нюхать табак из знаменитой табакерки, предлагал желающим пощупать мускулы - *«они все еще железные»*.

...Но и мускулы были уже не те. А скоро у писателя воспалился глаз, его пришлось удалить, что стало поводом для очередной шутки. Порой в разговоре он, к ужасу несведущего собеседника, вынимал из глазницы стеклянный протез и говорил:

- Мало у кого есть возможность посмотреть на себя со стороны!

В 1935 году Гиляровскому исполнилось 82 года. Он оглох, почти ослеп, но еще пытался писать, складывая бумагу гармошкой, чтобы строчки не налезали одна на другую. Писал стихи, прославляя преобразование России. Особенно восхищался реконструкцией

Москвы. Его интересовало метро, открытое в мае того года. Он мечтал проехаться на нем, но врачи не позволяли.

Больному становилось все хуже, и ночью 1 октября он умер.

«Дядю Гиляя» похоронили на Новодевичьем кладбище. Провожающих было немного, но старые друзья помнили о нем.

Через несколько лет скульптор **Сергей Меркулов** исполнил данное Гиляровскому еще до революции обещание, поставив на его могиле памятник из упавшего с неба метеорита, - символ неукротимой природы московского запорожца.

Для поднятия духа и увеселения сердец

Что сказать в заключение?

Мне, библиотечкару, очень обидно, что книги Владимира Гиляровского, человека штучного таланта, стоят на полках библиотек почти совсем невостребованными. А ведь они хороши как для людей, берущих книгу в руки от случая к случаю, так и для элитарной интеллигенции.

Одним они помогут снять напряжение и избавиться от бессонницы, другим - поднять жизненный тонус, кого-то спасут от депрессии, а кто-то, пышущий здоровьем, оптимизмом и энергией, найдет в авторе родственную душу, а в его неумных героях, не без собственного почина и удовольствия претерпевающих головокружительные превращения судьбы, - собратьев по стилю жизни.

Книги Гиляровского, выросшие в свое время из заурядного сора обыденщины и бытовой рутины, сегодня воспринимаются как живая история. Для того, чтобы чудесно преобразить свое вялотекущее существование, вернуть себе захватывающую полноту жизни и остроту ощущений, обнаружить себя в мире, богатом на удивительные приключения, нужно совсем немного - надо воспринимать окружающее так, как воспринимал его любящий немного приврать бытописатель Владимир Гиляровский.

Надо быть любопытным, не прятаться в свою скорлупу, не цепляться любой ценой за душевный комфорт, не позволять сердцу лениться, а наоборот, смело открывать его навстречу всяческим жизненным бурям, положившись на верного лоцмана – голос совести. И тогда наше серое унылое существование расцветет увлекательными метаморфозами и заиграет всеми цветами радуги.

...Ну, а если преобразить свою жизнь не хватает ни сил, ни духу - не беда! За чтением книг о старой Москве неукротимого и никогда неунывающего Гиляровского можно позабыть о своих жизненных невзгодах, а то и - кто знает - все - таки обрести второе дыхание.

Литература:

1. **Гура В.В.** Жизнь и книги «дяди Гиляя». - Вологда, 1959.
2. **Есин Б.И.** Репортажи В. А. Гиляровского. - М., 1985.
3. **Киселёва Е. Г.** В. А. Гиляровский и художники. - 2-е изд. - Л., 1965.
4. **Киселева Е.Г.** Рассказы о дяде Гиляе. - М., 1983.
5. **Лобанов В. М.** Столешники дяди Гиляя. - М., 1972.
6. **Митрофанов А.** Гиляровский. М.: Молодая гвардия, 2008. -336 с. - (Серия «ЖЗЛ»).
7. **Морозов Н. И.** Сорок лет с Гиляровским. - М., 1963.
8. **Эрлихман В. Владимир Гиляровский.** Московский запорожец/ Вадим Эрлихман/Гала Биография.- 2010.- №12.- Стр.95-102.